© 1990 г.

БОБРИК М.А.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВИЛЬНОСТИ ТЕКСТА
И ЯЗЫКА В ИСТОРИИ КНИЖНОЙ СПРАВЫ В РОССИИ
(ОТ XI ДО XVIII в.)**

1. Введение. В ценностной иерархии средневековой словесности вершинное положение занимают сакральные тексты. Они служат образцами при создании оригинальных произведений и выполняют роль камертона правильности. Слежение за правильностью самих сакральных текстов составляет цель книжной справы — работы книжников по исправлению богослужебных книг и библейского перевода. Исходным текстом для славянской, в частности, русской книжной справы является корпус кирилло-мефодиевских переводов с греческого языка на славянский. Сопровождая бытование этого корпуса текстов в Славии, книжная справа вплоть до XVII в. сохраняет значение основного способа нормализации текстов и языка книжности [1]. Представления о правильности, складывающиеся у славянских книжников на том или ином этапе справы, формируют систему ценностей филологической культуры соответствующей эпохи. Поэтому важно понять, каким конкретным содержанием могло наполняться понятие книжной правильности, как менялись представления о ней русских филологов, каковы закономерности этих изменений.

Наблюдения над исправлениями, вносимыми книжником в имеющийся текст, дают основания судить о мотивах правки и тем самым о нормативных представлениях справщика. Суммируя имеющиеся данные по истории книжной справы, можно выделить четыре основных фактора, воздействующих на правку, а именно: 1) кодекс правил, 2) тексты-образцы (традиция текстов), 3) иноязычный оригинал, 4) система обиходного языка¹. Соотношение этих моментов между собою, характер каждого из них могли меняться на протяжении истории справы, и вместе с тем менялось содержание понятия правильности: она могла пониматься как буквальное следование греческому оригиналу, как воспроизведение традиционного славянского текста древнейших списков, как применение определенной системы правил орфографии и грамматики, как создание текста, максимально понятного верующим.

То или иное понимание книжной правильности связано с типом отношения к (сакральному) тексту — конвенциональным или неконвенциональным. Конвенциональный подход основан на идее условной связи между означаемым и означающим в слове; для него характерно релятивное

¹ Воздействие живой речи на язык стандартных церковнославянских текстов опосредствовано, однако, книжными нормами. Окказиональные отражения ее в этих текстах являются, строго говоря, отклонениями от нормы и потому не влияют на формирование нормативных представлений.

восприятие пратекста, стремление «улучшить» первоначальный перевод, приспособить его к локальным нормам книжности. Неконвенциональный подход к тексту основан на идее безусловной связи между означаемым и означающим; он характеризуется стремлением сохранить в первоначальном виде или реставрировать пратекст. Таким образом, неконвенциональный подход связан с консервативным началом, которое в определенных культурно-исторических условиях проявляется как реставрационное, в то время как конвенциональный подход связан с началом конструктивным.

В истории книжной sprawy конфликт этих подходов проявляется на двух уровнях. На одном из них сторонники sprawy противостоят противникам ее; на другом уровне возникает полемика между сторонниками конвенционального (конструктивного) и неконвенционального (реставрационно-консервативного) путей sprawy.

В данной статье предлагается первоначальная систематизация фактов истории книжной sprawy и филологической мысли в России в период с XI по XVIII в. с точки зрения противопоставления конвенционального и неконвенционального подходов к сакральному тексту. Цель такой систематизации — наметить линию развития представлений русских книжников о правильности текста и языка.

2. Книжная справа XI—XIV вв. Приобщение Руси к христианской культуре дало начало развитию русской книжной традиции. Необходимым этапом этого развития явилось усвоение кирилло-мефодиевского наследия. Адаптация его на русской почве происходит в процессе переписывания, исправления, редактирования южнославянских списков первоначального перевода. Это означало вовлечение Руси в общеславянский процесс книжной sprawy [2, с. 58; 3, с. 106—107; 4, 5, 6], в ходе которой формировались новые редакции канонических текстов и изводы древнеславянского литературного языка [7, с. 43; 8, с. 49—50].

К тому времени, когда на Руси начинается созидание собственной книжной традиции, южнославянская письменность уже пережила важный этап книжной sprawy, составивший ближайшую историю русской sprawy. Остановимся на некоторых существенных для нас моментах этого этапа.

В период с конца IX по конец X в. выявилось два различных подхода к пратексту кирилло-мефодиевских переводов, характеризовавших деятельность Охридской и Преславской школ книжности. О х р и д с к и е книжники придерживались, по всей вероятности, неконвенционального подхода к первоначальным переводам. Архаичность рукописей, предположительно связываемых с Охридской школой, позволила исследователям говорить о консервативности ее [9; 10, с. 61; 11, с. 39] и о том, что до преславских реформ «на замкнутых уровнях языковой структуры приспособления традиционных норм к местным условиям не происходило» [7, с. 38]. Для преславских книжников характерен конвенциональный подход к пратексту. Осуществленная ими реформа славянского алфавита и языка, а также ревизия текстов свидетельствуют о стремлении преобразовать наследие первоучителей в соответствии с местными культурно-языковыми условиями. Конфликт между книжниками двух направлений, между сторонниками и противниками поновления первоначальных переводов, нашел отражение в сочинении черноризца Храбра «О писменах» (между 886 и 893 гг.), впоследствии чрезвычайно популярном на Руси. Оправдывая «построение» переводов Константина-Кирилла, автор апологии ссылается на историю текста Септуагинты, который неоднократно подвергался ревизии: «Аще ли кто речеть, яко нѣсть устроилъ (Кирилл.—

Б. М.) добр15, да по нем ся построяет, и отвъщаем имъ: и грещы многаши? суть построяли, Акилла и Симмахъ, по том и ини мнози» [12, с. 19].

Поскольку объект редакторской деятельности славянских книжников — переводы с греческого языка, постольку преславская реформа выдвигала проблему выбора типа переводческой техники. С позиций конвенционального подхода к тексту цель перевода состоит в передаче смысла оригинала понятными для адресата средствами его языка. Этот взгляд развивается в Прологе Иоанна экзарха к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина (X в.). Согласно Иоанну, слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут не совпадать по своим грамматическим характеристикам. Истинность текста заключена в его смысле («разуме»), а не в форме слова («глаголе»). Поэтому при переводе неизбежны отклонения от буквального следования греческому оригиналу; «не бо есть лъзъ^ въсьде съмотрити елиньска гла, нъ разума нужда блюсти» [12, с. 37—38]. Воспроизведение структур греческого оригинала, с точки зрения Иоанна, влечет за собою искажение смысла и неудобопонятность перевода («на велику исказу придеть пръбложенье»). В теоретическом плане Иоанн продолжает переводческую традицию первоучителей, опираясь, вероятно, на концепцию Константина-Кирилла, изложенную в Македонском отрывке [13]. В то же время в своей переводческой практике Иоанн и книжники его круга культивируют ряд приемов буквального перевода и гречизации славянского языка книжности [11; 14, с. 133—134]. Таким образом, те же понятия истинности, правильности, которыми оперировал Константин-Кирилл, наполняются новым языковым содержанием, что связано с эллинизирующими тенденциями симеоновской эпохи в Болгарии (ср. другую точку зрения [15]; ср. также [16]).

Итак, к концу X в. в южнославянской книжности достаточно четко обозначились две проблемы: 1) исправлять или не исправлять первоначальные переводы первоучителей; 2) если исправлять, то в какой мере ориентироваться на структуры греческого оригинала. Вокруг этих проблем и складывается конфликт конвенционального и неконвенционального подходов к библейским и богослужебным текстам.

Восприятие этой коллизии на Руси осуществлялось в ходе книжной sprawy. Разнообразие редакций и списков, а также наличие правленных рукописей канонических текстов делают очевидной активность редакторской деятельности русских писцов XI—XIV вв. Однако недостаточная степень изученности материала позволяет высказать лишь некоторые предварительные соображения о характере sprawy в этот период.

Переписывая и в той или иной мере перерабатывая текст протографа, писцы руководствуются сложившимися у них представлениями о правильности. Имеющаяся в рукописях правка отражает процесс усвоения южнославянских традиций, преодоление их и создание собственных книжных норм. В наибольшей степени это касается орфографии и морфологии, в лексике и синтаксисе вариативность значительно шире, а границы нормы более размыты [8, с. 50—51]; ср. [17]. Мотивами исправлений могли быть непонятность текста в той или иной его части, возможность двоякого толкования вследствие омонимии грамматических форм, несоответствие отраженных в тексте норм тем правилам, которым обучен писец. Как показали исследования недавнего времени, замены в рукописях могут быть ориентированы на определенные правила орфографии и книжного произношения, на факты живого произношения писца, на употребление одного из антиграфов, на греческий оригинал [18, с. 74—77; 81; 19; 20, с. 166]. Степень строгости воспроизведения антиграфа и структур грече-

ского оригинала (при использовании его редактором) неодинакова для разных функциональных типов канонических текстов. Так, контролируемая текстологическая традиция устанавливается в этот период для служебного типа, в то время как четвы и толковые тексты переписывались и переводились с большей свободой [21]. Например, в толковом переводе «Песни Песней» (XII в.) А. А. Алексеев выделяет два типа переводческой техники: «довольно буквально переведен библейский текст и вполне свободно переведены толкования» [20, с. 189, ср. с. 170—171].

Результатом конструктивной филологической работы русских книжников над инославянскими рукописями было формирование русской традиции канонических текстов и русского извода церковнославянского языка. Это позволяет говорить о том, что конвенциональный подход к тексту в период XI—XIV вв. является доминирующим. Если это так, то в словах диакона Григория в приписке к Остромирову Евангелию «молю же всьвхъ почитающихъ: не мозѣте кляти, нъ исправлыпе почитайте» [22] можно увидеть реальное отношение к тексту, обобщенное в традиционной формуле, типичной для рукописей этого времени ².

Процесс изводообразования естественным образом привел к тому, что списки канонических текстов, выполненные в различных славянских землях, все более удалялись от пратекста по чтением и языку. К XIV в. достигается тот предел «разброса», когда нарушается баланс между местной нормой и тем инвариантом церковнославянского языка, сохранение которого позволяло славянам воспринимать этот язык как разновидность своего родного языка. Возникает движение, противоположное по направленности движению изводообразования — унификация канонических текстов славян [24].

3. Книжная справа XIV—XV вв. На новом своем этапе русская книжная справа, как и прежде, тесно связана с южнославянской и составляет с нею, по сути, две ветви единого процесса [2, с. 103—106]. Попытки унификации канонических текстов осуществляются с конца XIII в. в общеславянских центрах книжности — монастырях Афона и Константинополя. Здесь создаются новые редакции библейских и богослужебных текстов, выполняются новые переводы; здесь русские книжники практически усваивают новые принципы справки и перевода; отсюда исправленные списки начиная с XIV в. попадают на Русь [25, с. 97—100, 120—121, 191—194; 26, с. 150-157; 10, 85-96; 27, 28].

С точки зрения деятелей этого движения, книжная практика предшествующего периода, которая допускала отступление от буквы греческого оригинала при переводе канонических текстов на славянский язык и делала возможным проникновение в эти тексты локальных элементов, привела к порче текстов и языка славянской книжности. Излагая мотивы справщицеской деятельности своего наставника Евфимия патриарха Тырновского, Григорий Цамблак указывает: «Перви преводителе — или за еже Еллиньскаго языка же и учения не в конец ведети, или и своего языка дебелости служити — яже издаша книги не сложны в речех явишася и разумению греческих писанин не согласны, дебелством же связаны и негладкий к течению глагольному, и тъкмо от еже именоватися благочести-

² Ср., например, текст приписки к Изборнику 1073 г., где говорится о том, что князь повелел переписчику (переводчику?) «премину створитирѣчи инако набѣдѣште тождество разумъ» [3, с. 103]. Ср. также запись в Изборнике 1076 г.: «Иде же криво братие исправивше чьѣте блгсловите а не кльѣте» [23].

вых книги верное имею. Мног же вред в них кряться истинным догматом сопротивление; тем же и многи ереси от сих произыдоша» [10, с. 96]. Идеи очищения церковнославянского языка путем усовершенствования его по образцу греческой грамматики высказываются в этот период также иноком Исайей и Константином Костенечским [29, с. 357; 30].

Таким образом, оформление новых представлений о правильности происходит в отталкивании от принципов конвенционального подхода к тексту. Понятия чистоты и правильности связываются теперь с верностью греческому оригиналу и отказом от локальных элементов. В текстологическом отношении это выражается в ориентации на современные справщикам списки греческого текста Евангелия, Апостола, Псалтыри и других книг [31]. Язык переводов подвергается грецизации и архаизации [18, с. 203—226]. Принципы поэлементного перевода обусловили, в частности, воспроизведение греческих моделей в синтаксисе (сохранение количества и порядка слов во фразе, глагольного управления, ряда причастных и инфинитивных оборотов), в лексике (рост числа калек и заимствований), в словообразовании (калькирование, композита) [32—35, 29; 14, с. 135—136]. Реставрационная установка и названные приметы переводческой техники свидетельствуют о том, что в книжной справе XIV—XV вв. актуализируется неконвенциональный подход к тексту.

В этот период редактируются тексты Евангелия (ГИМ, Син. 742), всего Нового Завета (чудовский список 1355 г. и родственные ему — см. [14, с. 145, примеч. 59]), Устава (ГИМ, Усп. 5-п; ГБЛ, ф. 256, Рум. 445), списки которых попадают из Константинополя на Русь и здесь переписываются [28]. Новое направление книжной деятельности поддерживается митрополитом Киприаном, который трудится над исправлением Псалтыри (ГБЛ, ф. 173, Фунд. 142), Служебника (ГИМ, Син. 601), переводит гимнографические тексты [36; 26, с. 153—157; 25, с. 82—93; 37, 38]. Резиденция Киприана в Троицком-Голенищеве под Москвой становится — наряду с монастырями Москвы, Твери, Новгорода — одним из центров, где принимаются, усваиваются, развиваются новые явления в книжном деле [39]. В юго-западнорусских землях при непосредственном участии митрополита Григория Цамблака книжная справа развивается в аналогичном направлении [25, с. 93'—97]. В результате этой деятельности частично преодолевается разнообразие списков славянских библейских и богослужебных книг [40] и осуществляется реформа церковнославянского языка русского извода.

Актуализация неконвенционального подхода к тексту связана с тенденцией к восстановлению единства славянской письменной культуры, к созданию панславянского книжного языка. Новые представления о книжной правильности, усваиваемые на Руси в ходе «второго южнославянского влияния», вступали в противоречие с традиционными взглядами русских книжников. Дальнейшее развитие этой коллизии во многом обусловлено судьбой «второго южнославянского влияния» на Руси.

4. Книжная справа XVI в. Реставрационно-пуристические идеи книжной справы XIV—XV вв. стимулировали грамматическую рефлексию. Поскольку адаптация текста к местным нормам может восприниматься как порча его, постольку необходимой становится система правил, которая бы позволила унифицировать региональные нормы и контролировать стабильность текста. В этот период систематические своды правил — грамматика «Осьмь честию слова» середины XIV в. (см. издание в [12, с. 40—54]; о ней см. [41]) и трактат Константина Костенечского «Сказание изъясленно о писменех» 1420-х гг. (см. издание в [12, с. 95—199]; [42]) — со-

здаются у южных славян. В XVI в. эти сочинения в различном объеме становятся известны на Руси в составе азбуковников [12, с. 266–275], под их непосредственным влиянием начинает складываться русская грамматическая традиция («Надтшание буквам...», «Книга глаголемая буквы», «О той силе книжной... и о силах гласу», «Сила существу книжного письма» и другие тексты). Грамматические сочинения этого времени не дают полного описания книжного языка, они носят характер справочника, предупреждающего типичные ошибки, а также содержащего грамматические указания и отсылки к стандартным текстам [43]. Подобного рода систематизация употреблений предполагала, вообще говоря, конвенциональный подход к слову: значение языковой формы отвлекалось от контекста, и однородные контексты обобщались в грамматических категориях. Оформление грамматического кодекса как самостоятельного способа нормализации книжного языка придавало справе новое направление — грамматика постепенно становится ведущим фактором правки.

Для процессов, происходивших в книжной справе XVI в., чрезвычайно значима и показательна справщическая деятельность Максима Грека, в которой он развивает ренессансные идеи филологической интерпретации канонических текстов. Греческий оригинал славянского перевода Библии и богослужебных книг Максим рассматривает как средоточие абсолютного смысла, который при переводе на другие языки может передаваться по-разному. Причину неисправности русских рукописей Максим естественным образом видит в недостатке знания греческого языка у прежних переводчиков и писцов. Так, в «Слове отвещательном о исправлении книг русских» (около 1540 г.) Максим говорит, что он исправляет книги «в них же растлевашеся, ово убо от преписующих, их ненаучених сущих и неискусных в разуме и хитрости грамотикийстей, ово же от самех исправивших сотворших книжный превод приснопамятных мужей. Речет бо ся истинна, ест негде неполно разумевших силу еллинских речей и сего ради далече истинны отпадоша ... еллинская бо беседа много неудобь разсуждаемо имать различие толка речений, и аще кто недоволне и совершение научился будет яже грамотики, и пиитикии, и риторикии, и самыя философии, не может прямо и совершенно ниже разумети писуемая, ниже предложити на ин язык» [44]. Целью исправления становится для Максима возможно более точная передача средствами славянского книжного языка смысла греческого оригинала. Это достигается, с одной стороны, выверением славянских текстов по греческим подлинникам, а с другой стороны — развитием грамматической ухищренности церковнославянского языка, который должен обладать широким репертуаром средств, достаточным для передачи смысловых оттенков греческого текста. В процитированном «Слове», как и в ряде других своих сочинений, Максим говорит о грамматическом искусстве («грамотике», «хитрости», *tsyv*) как о пути к овладению устройством греческого языка и усовершенствованию церковнославянского языка. Итак, по мнению Максима, греческий оригинал служит мерой правильности славянского канонического текста, а грамматическая система греческого языка — образцом устройства для славянского книжного языка. Эта общая установка получает, однако, по крайней мере две реализации в справщической деятельности Максима, различия между которыми обусловлены как типом исправляемого текста, так и языковым опытом Максима.

После прибытия в Москву в 1518 г. Максим занимался исправлением и переводом целого ряда канонических книг: Толковой Псалтыри (ГИМ, Син. 236), Апостольских Деяний с толкованиями, Цветной Троицы (ГИМ,

Шук. 329), Ч асослова, Евангелия, Апостола, Псалтыри. Как показали наблюдения Е. В. Кравец (устное сообщение) над языковыми исправлениями, внесенными Максимом, в частности, в текст Толковой Псалтыри, установка на сближение славянского и греческого языков выражается здесь в достаточно широком использовании грецизмов в синтаксисе, словообразовании, лексике, орфографии, отчасти в морфологии. Грецизированный вариант церковнославянского языка сопряжен с этих текстах с принципами послонного перевода. Таким образом, в своих взглядах на книжную правильность и пути овладения грамматическим искусством Максим в правке 1520-х гг. близок своим предшественникам, деятелям sprawy эпохи Киприана.

Иное понимание правильности нашло отражение в переводе Псалтыри, который был выполнен Максимом в 1552 г. по просьбе его ученика Нила Курлятева (ГИМ, Увар. 85). Замены, осуществляемые Максимом в сравнении с традиционным псалтырным текстом, свидетельствуют об отказе от элементов, воспринимаемых как заимствованные — грецизмов и южнославянизмов [45]. При этом в рубрику «чужого» могут попадать элементы южнославянского и греческого происхождения, не специфичные для церковнославянского языка периода «второго южнославянского влияния» [46]. Моделирующая роль греческого языка проявляется теперь не столько в калькировании и послонном переводе, сколько в расширенном использовании принципов построения греческой грамматики. Это проявилось, в частности, в утверждении л-формы во 2 л. ед. ч. аористой парадигмы славянского глагола: по аналогии с греческой соответствующей парадигмой разрешалась, таким образом, омонимия 2 и 3 л. ед. ч. [18, с. 155—159]. Корректировка прежнего понимания правильности сопровождается у Максима переоценкой роли традиционного употребления в нормализации — использование элементов греческого и южнославянского происхождения поверяется узусом стандартных текстов.

Данная концепция правильности формируется у Максима Грека в отталкивании от предшествующего этапа книжной sprawy и полемически направлена против сторонников и продолжателей идей митрополита Киприана. Это находит выражение, в частности в выборе источников при работе над переводом 1552 г. — Максим опирается в нем на древнейшую (докиприановскую) редакцию Псалтыри, [38]. Предисловие к переводу было составлено Нилом, который, выражая взгляды своего наставника, определяет достоинства нового перевода на фоне киприановского текста Псалтыри: «А прежний переводцы нашего языка известно не знали, и *offb* перевели ино гречески, ово словенски и ино сербски и другаа болгарски, их же не удоволишася преложити на русский языкъ. А Киприан митрополит по гречески гораздно не разум-Ьть и нашего языка довольно не зналь же... И онъ мнилъ ся что поправиль псал'мов по нашему а болши неразумие в них написаль в р'Ьчех и в' словех, все по сербски написаль... Сей переводщик (Максим.— *Б. М.*) по златоустову писанию добрт. в-врен и приятен во всем и добр'Ь в-вдаль и довольно наш языкъ... занъ ж отнюд п'Ьт р'Ьчей по серб'ски или болгарски, но все по нашему языку прямо з' греческаг(о) языка и без украшения» [47, с. 96—98]. Итак, критериями правильности в предисловии являются точность в передаче смысла греческого оригинала, соблюдение норм русского языка книжности и понятность перевода. Значимость критерия понятности обусловлена задачами перевода 1552 г., который был предпринят Максимом для обучения Нила греческому языку и истолкования для него псалтырного текста. «Неразумие» киприановского перевода объясняется, с точки зрения Максима и его уче-

ника, не только плохим знанием греческого языка (неспособность ясно передать смысл оригинала есть следствие неверного понимания), но и плохим знанием русского церковнославянского (злоупотребление гречизмами и южнославянизмами есть проявление неспособности выбрать адекватные средства передачи смысла подлинника)³.

Таким образом, во взглядах Максима Грека осуществляется синтез двух концепций книжной правильности, противостоявших друг другу в предшествующий период справы. В своих представлениях о греческом языке как образчике для языка русской книжности, о возможно более близких к оригиналам переводах с греческого языка как пути усвоения его достоинств Максим продолжает линию неконвенционального подхода к тексту, развивавшуюся в книжной справе эпохи панславизма XIV—XV вв. Вместе с тем он обращается к русской традиционной книжности с ее принципами понятности сакрального текста и сложившимися правилами перевода.

Деятельность Максима по исправлению славянских канонических текстов вызывала противодействие со стороны московской духовной иерархии и определенного круга книжников. Митрополит Даниил и его сторонники, занимая охранительную позицию, полагают, что правильность библейских и богослужебных текстов обеспечивается русской рукописной традицией и традиционной экзегезой. Такой подход, очевидно, исключал справу по греческим оригиналам, поскольку истинными признавались первоначальные переводы с греческого, сохраняемые рукописной традицией. В своих показаниях по делу Максима Грека на Соборе 1530 г. об этом говорит писец Михаил Медоваршев, передавая свой разговор со сторонником Максима Вассианом Патрикеевым: «И Васьян старец мне рек: Мало ли деи наши что бредили и писали. И яз молвил: Наши русские книги переведены з греческих же книг, а писаны они от святого духа святыми апостолами и святыми отцы. И Васьян старец рек: От диавола писаны, а не от святого духа... А до Максима есмя по тем нашим книгам бога хулили, а не славили, ни молили. А ныне есмя бога опознали Максимом и его учением» [48, с. 105]. Из слов Михаила видно, что он пытается противопоставить позиции Вассиана идею самостоятельной ценности русской рукописной традиции. Митрополит Даниил и его сторонники оценивают исправления Максима, исходя из употребления в стандартных церковнославянских текстах, и воспринимают грамматические замены как искажение смысла текста [49]. Консервативное отношение к традиционным чтениям неизбежно развивало стремление сохранить «букву» текста. Достаточно ярким свидетельством неконвенционального подхода могут служить слова Михаила Медоварцева о благочестивом ужасе, который ему пришлось испытать, вымарывая под руководством Максима часть сакрального текста: «И яз, господине,— говорит Михаил,— стал гладити, да заглядил две строки, а вперед гладити посумнелся есми. И яз рек Максиму: Не могу, господине, заглаживать, дрожь мя великая поймала и ужас на меня напал. И Максим, взем книгу, да сам заглядил все то и до конца» [48, с. 106]. Та-

³ Сходное отношение к деятельности последователей Киприана высказывает другой ученик Максима, инок Седиван в предисловии к Максиму переводу Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. Говоря о точности и понятности этого перевода, Седиван подчеркивает грамматические расхождения между славянским и греческим языками и предостерегает от буквального перевода: Ш:сть бо, нъсть льть по истиннъ всячески премудрѣйшему оному послѣдовати языку, понеже обрящетсяопротивно; ни же бо роды, ни же времена, ни же скончания подобна ея имѡуть, но вся пременена. Сего ради разума паче всего искати подобает, егоже ничтоже частнѣйше» [12, с. 342].

ким образом, деятельность Максима способствовала консолидации элементов консервативного отношения к тексту. Та рукописная традиция, которая сама некогда сложилась благодаря конструктивному освоению кирилло-мефодиевского наследия, теперь становится основанием консервативной оппозиции книжной справе.

Итак, справщическая работа Максима создает конфликтную ситуацию, в которой можно видеть два уровня. На одном из них взгляды Максима на книжную правильность противостоят взглядам на нее последователей Киприана; другой уровень составляет конфликт Максима со сторонниками митрополита Даниила. Эти линии противостояний пересекаются. С одной стороны, Максим и его школа (Нил Курлятев, Зиновий Отенский, Селиван) полемизируют с двумя проявлениями неконвенционального подхода к тексту — школой Киприана и сторонниками Даниила. С другой стороны, деятельность Максима, как и охранительная позиция Даниила, были разными проявлениями утверждающейся в Московской Руси тенденции к обособлению русской письменной традиции, осмыслявшейся в отталкивании от предшествующих попыток реставрации славянского культурного единства.

Важным направлением книжной справы последней четверти XV—XVI в. является консолидация корпуса канонических текстов. Над сборником, переводом, редактированием библейских книг трудятся Иван Черный [50], составители Геннадиевского свода 1499 г. [51, 52], Матвей Десятый [53], Франциск Скоруна, митрополит Макарий [54], наконец, составители Острожского свода 1580—1581 гг. Наиболее значимым для истории церковнославянской книжной нормы и вместе с тем наиболее хорошо изученным представляется взгляд на проблемы правильности редакторов Острожской Библии.

То понимание книжной правильности, которое ложится в основу критико-филологического метода острожцев, в ряде моментов сходно со взглядами Максима Грека — авторитет его очень высок для составителей Острожской Библии; в определенном смысле издание ее явилось осуществлением идей Максима об исправлении книжном, идей, потерпевших фиаско в Московской Руси⁴. Призванная быть опорой в религиозной полемике, «камнем веры», Острожская Библия должна была, по замыслу ее составителей, представлять выверенный по многочисленным источникам древнейший перевод Библии на славянский язык. Отсюда главная задача издателей: выбрать основной список славянского текста и основной источник, по которому этот список будет выверяться. В предисловии к Библии основным славянским текстом называется московский список (с Геннадиевского свода 1499 г.), а основой сверки — Септуагинта.

В предисловии князя Константина славянский перевод Библии, как кажется, впервые связывается с эпохой князя Владимира Святого⁵. Здесь говорится, что острожцы получили из Москвы «свършеную вивлию з' греческа языка, семь десять и двѣма преводники множае пяти сотѣ Л-БТЬ на словен'ский преведеную еще за великаго Владимира, крстившаго землю рускую». Утверждая равенство в достоинстве греческого и славянского текстов Библии, Константин проводит прямую параллель между «кни-

⁴ По предположению Х. Олмстеда и М. Таубе, перевод Максима из книги Эсфирь был использован при подготовке Острожского издания [55, 56].

⁵ Впрочем, в некоторых русских памятниках фигура Владимира связывается с деятельностью первоучителей, например, в Палее XV в., где приводится рассказ о крещении Владимира Константином-Кириллом ([57]; ср. [12, с. 20—21]).

горачителем» Птоломеем Филадельфом и просветителем Руси князем Владимиром, между переводчиками Септуагинты и переводчиками Библии на славянский язык⁶. Таким образом, начало русской письменной традиции возводится ко времени Владимира Святого, а прямой продолжительницей и хранительницей этой традиции объявляется московская книжность, что обусловлено ориентацией острожского издания на культурно-религиозный авторитет Москвы и в то же время на идеальное единство в прошлом русской культуры. Впоследствии мифологизированная версия истории славянского перевода Библии переходит в предисловии к московскому изданию Библии 1663 г. и к Елизаветинской Библии 1751 г.

По мнению издателей Острожского свода, реставрация пратекста достигается путем сверки славянского текста с греческим текстом Септуагинты, которая признается наиболее правильным из греческих переводов Священного Писания, ближайшим по тексту как к еврейскому оригиналу, так и к славянскому переводу Библии. В предисловии об этом говорится следующее: «Звод древняго писания славнаго, и глубочайшаго языка и писма еллинскаго от ОВ блженныхъ и бгомудрыхъ преводниковъ на умоление желаемое книгорачителя П'толомея Филадельфа цря егупетска, от языка евреиска во еллинский преведеную избрахъ, она же паче инх множа со еврейскою и словенскою съглашашеся. и сего (извода.— *Б. М.*) ѿ всемъ неизм'бн'но, и несуменно послъдовати повел'бхъ» [58].

Анализ филологических приемов острожцев, проведенный А. А. Алексеевым, показал, что в основу Библии 1580—1581 гг. был положен список с Геннадиевского свода 1499 г. Основная часть библейского корпуса была более или менее последовательно, с большей или меньшей глубиной переработана по греческому тексту Септуагинты в издании 1518 г. (или в одной из позднейших его перепечаток). В круг источников Острожской Библии входили также латинская Вульгата, чешская Библия Мелантриха, «Библия руска» Ф. Скорины, а также ряд дополнительных славянских источников [59, с. VIII, 3-164; 60, 61; 62, с. 15-18].

Основное содержание лингвистической работы справщиков составляет устранение латинизмов, форм, воспринимавшихся как не книжные, и замена их на южнославянизмы и грецизмы [62, с. 18—19; 63, 64]. При этом широкое использование южнославянизмов может быть в равной степени отнесено на счет южнославянских по происхождению источников и на счет сознательной реставрации языковых черт древнейшего перевода. Хотя наблюдения над орфографией и лексикой Острожской Библии требуют проверки и уточнения данными грамматического уровня, можно составить достаточно ясное представление о взглядах издателей на книжную правильность. Итак, в текстологическом отношении правильность связывается с верностью греческому тексту, в языковом плане — с расширенным использованием южнославянизмов и грецизмов, но в то же время с заботой о ясности текста. Синтез неконвенционального и конвенционального подходов к тексту осуществляется острожцами на основе норм, усвоенных в ходе sprawy XIV—XV вв. и оказавшихся для юго-западнорусской книжности более органичными, чем для московской.

5. Книжная справа первой половины XVII в. С развитием в Московской Руси книгопечатания (анонимная типография появляется в Москве

⁶ Как ранее в апологии Храбра⁷, так и впоследствии в предисловии к Евангелию 1673—1674 гг. (см. об этом ниже) актуализация этой модели имеет место всякий раз, когда выдвигается вопрос о сравнительном достоинстве греческого и славянского переводов Библии.

с 1563 г.) значение книжной справки возрастает, при типографиях создаются особые штаты справщиков. В своей редакторской деятельности они руководствуются тем пониманием правильности, которое ориентировано на славянскую рукописную традицию и не предполагает сверки с греческими оригиналами. По завершении процессов над Максимом Греком это традиционное понимание книжной правильности было закреплено Собором 1551 г., вмнявшим собраниям духовенства по городам слежение за исправностью церковных книг по «добрым» спискам: «А который будут святяя книги в коейждо сущь церкви обрящете не правлены и описливы и вы бытъ книги съ добрыхъ переводовъ исправливали соборнь» [65].

Вместе с тем в справе этого периода находит продолжение традиция филологической критики канонических текстов, связанная с Максимом Греком и поддерживаемая прежде всего в Троицы Сергеев монастыре, где он провел последний период жизни. В рамках этой традиции в 1616—1618 гг. было предпринято исправление Требника издания 1602 г.

Конфликт между справщиками (архимандрит Троицы Сергиева монастыря Дионисий Зобнинский, Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, старец Захей) и их оппонентами (старцы Филарет и Логин, священник Филипп, диакон Маркелл, архимандрит Чудова монастыря Авраамий, канонарх Спаса Нового монастыря Дорофей и другие), вылившийся в открытую полемику на Соборе 1618 г., основан на расхождении в текстологических принципах справки и в отношении к грамматике. В своей текстологической работе Дионисий и его сотрудники, как и типографские справщики, опираются на рукописную традицию и не обращаются непосредственно к греческим оригиналам; правильность текста, по их мнению, обеспечивается «старыми» переводами с греческого. Существенно, однако, что в группе из двух десятков славянских рукописей, использованных при исправлении, наиболее авторитетными для справщиков были тексты Киприана и Максима (список 1481 г. с Киприановского Служебника 1395 г. и канонник в редакции Максима Грека [66, с. 210]).

Главным в полемике справщиков и их оппонентов становится вопрос о грамматике. Взгляды справщиков на книжную правильность основаны на учении о грамматике как инструменте познания абсолютной истины через сакральный текст. Именно поэтому неискусенность в грамматическом искусстве может выдвигаться справщиками в качестве обвинения их оппонентам. «Бог свидетель,— пишет в своей соборной речи Арсений Глухой,— несть в нас ни в коем ереси никакая... Оглаголющие нас неправедным словом ино и единого речения грамматического учения не знают.— ни времени, лиц, ни родов, ни числа, а мнится разумен быти и мыслен и разумлив» [66, с. 432]. Грамматический анализ текста, связанный с систематизацией однородных употреблений, сопряжен с конвенциональным подходом к слову. Оправдывая исправление слова *тля* на слово *тление*, Арсений указывает на то, что они являются синонимами и что замена необходима для прояснения контекста, поскольку *тля* в значении «тление» омонимично слову *тля*, обозначающему насекомое: «В наших же переводах русских сия имена ТЛЯ и ТЛЕНИЕ едино знаменуют, не глаголом точио чтушему или поюшему подобает внимати, но разума нужда блости» [66, с. 432]. Примечательно в этой цитате не только то, что Арсений опирается на определенную переводческую традицию, но и использование им аллюзии к тексту Пролога Иоанна экзарха (ср. «не бо есть лъзйъ въсьде съмотри елиньска гла, нь разума нужда блости» [12, с. 37—38]), что подчеркивает преемственность идей грамматического учения по отношению к раннеславянской филологической традиции'. Итак, целью книжной

справы признается смысловая точность текста, которая достигается грамматическим анализом слов и форм.

Оппоненты Дионисия и его сотрудников отказывались признать ее замены в тексте как таковые — согласно практике контролируемой текстологической традиции, единичные исправления в одном данном контексте в принципе допускались, — они не хотели признать какую бы то ни было систематизацию исправлений, обобщение их для аналогичных контекстов. Грамматический анализ текста воспринимается ими как суемудрие, привнесение ограниченного человеческого знания в богодухновенный текст и тем самым как порча этого текста (о восприятии грамматики как «внешней мудрости» в русской книжности XVI—XVII вв. см. [67]). На Соборе 1618 г. исправители обвиняются в ереси, однако получают поддержку нового патриарха Филарета; созданный им в 1620 г. Собор завершается оправданием и прославлением ранее осужденных справщиков.

Вплоть до середины XVII в. взгляды Дионисия и его сотрудников становятся определяющими для книжной справы, значение которой возрастает с активизацией книгоиздательской деятельности в 1630—1640-х гг. На Печатном дворе в Москве складывается значительная группа книжников (Иван Наседка, Михаил Рогов, Мартемьян Шестак, архимандрит Сильвестр, протопоп Иоаким, Захарий Афанасьев, Захарий Новиков), рассматривающих книжную справу как часть движения за обновление православного благочестия и близких по своим взглядам кружку боголюбцев. К этому времени расхождения между юго-западнорусской и московской традициями справы, между юго-западнорусским и московским вариантами церковнославянского языка, обозначившиеся уже в XVI в., становятся отчетливо выраженными.

Вопросом принципиальной важности, определяющим различия в понимании книжной правильности, становится в этот период отношение к новым европейским изданиям греческих текстов библейских и богослужебных книг. Считая, что после захвата Константинополя турками благочестие греков повредилось, московские книжники ориентировались на «древние», «правые» переводы с греческого, т. е. на славянскую рукописную традицию. В Юго-Западной Руси, напротив, за основу исправления принимались греческие тексты по новым европейским (преимущественно венецианским) изданиям, тогда как славянская рукописная традиция практически игнорировалась. Так, в предисловии к Служебнику, изданному в Киеве в 1629 г., архимандрит Тарасий Земка заявлял: «Книга сия Служебник от Еллинскаго зводу истиннаго, егоже Вьсточная наша Церков Госпоже и Учителница Первейшая употребляет, исправлен есть... Аще бо не от того Диалекту, имже от Святых Отец Святая Литургия написана, предадеса, исправляти будем, то нечем откуду, понеже вся Книги Славенския от колико сот лет преписуются невежами, токмо чернилом мажущими, ума же не имущими, языка не умеющими, и силы словес не ведущими» [68]. Различия во взглядах на славянскую рукописную традицию между московскими и юго-западнорусскими книжниками выявились, в частности, во время прений московских справщиков с Лаврентием Зизианием в 1627 г., когда они указывали: «Киприан, митрополит киевский и всеа Русии...привез правилные книги христианского закона греческого язы-

⁷ Следует в этой связи отметить, что филологические сочинения Максима Грека по проблемам перевода и исправления канонических текстов включаются в XVI—XVII вв. в азбучники и воспринимаются в одном ряду с текстами апологии Храбра и Пролога Иоанна [47, с. 16—25].

ка правила и перевел на словенский язык и Божиею милостию пребывают и доныне без всяких смутов и прикладов новых вводов; да многия книги греческаго языка есть у нас старых переводов, а ныне к нам которые книги входят печатные греческаго ж языка и будет сойдутца с старыми переводы и мы их приемлем и любим; а будет что в них приложено ново и мы тех не приемлем, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что Греки живут ныне в великих теснотах в неверных странах и печатати им по своему обычаю невозможно» [69].

Различными оказываются и принципы грамматической нормализации текста. Если московские книжники ориентируются на традиционное употребление своих источников и на грамматику «О осми частех слова»⁸, то юго-западнорусские справщики — на языковые модели греческих оригиналов и на грамматику Мелетия Смотрицкого. Взаимодействие двух этих традиций происходит в ходе книжной sprawy 2-й пол. XVII в. на фоне конфликтов между никонианами и старообрядцами, между «латинумудрами» и «грекофилами».

6. Книжная справа второй половины XVII в. Новый этап книжной sprawy связан с возрастанием теократических тенденций в Московской Руси, с грекофильской ориентацией патриарха Никона (1652—1658), с отказом от взгляда на отечественную старину как на основу православного благочестия. Ведущее положение в справе этого времени занимают выходцы из Юго-Западной Руси (Арсений Сатановский, Елифаний Славинецкий), реализующие в своей справщической и учительской деятельности те принципы книжной правильности, которые сложились в юго-западнорусской книжности. На Соборе 1654 г. принимается решение «впредь быти исправлению в печатном тиснении Божественным книгам против древних харатейных и греческих книг уставов, потребников, служебников же и часословов» [71]. Это означало, что основными источниками sprawy объявлялись славянская рукописная традиция и греческие оригиналы канонических текстов. На деле, однако, в целом ряде случаев исправление производится не непосредственно по греческим текстам, а по юго-западнорусским изданиям [72].

Начало никоновской sprawy вызывает столкновение различных взглядов на книжную правильность и знаменует собою новое обострение коллизии конвенционального и неконвенционального подходов к тексту. Однозначное соотнесение этих подходов с позициями, соответственно, никониан и старообрядцев [73], думается, упрощает ситуацию и не учитывает реальную неоднородность филологических взглядов внутри каждой из двух идеологических группировок. Обобщая эти взгляды, можно говорить по крайней мере о двух уровнях конфликта: первый уровень составляет оппозиция «справщики — противники исправлений» (никониане — старообрядцы), на втором уровне выявляется оппозиция «конвенциональный — неконвенциональный подход к тексту» внутри каждой из сторон первого уровня. В группе справщиков друг другу противостоят Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, с одной стороны, и Елифаний Славинецкий, Евфимий

⁸ Ссылка на эти источники содержится, например, в послесловии к изданию исправленного Пролога: «И о семь же васъ не немолимъ, яко да не позазритъ ваша купно общаго совета совѣсть, егда убо узрите в'писменъхъ, яко бы рещи за недочычене странность, или в'просодии. и возмнитися вы яко ново сие и необычно; ей ей, неново и, йенами убо сия в'писашася. но ово убо от древнихъ в'дущихъ добродисцовъ наша великия русин; овоже от граматическаго любомудрия, сир'вчь от осмочастнаго разумения и правления, в' род'хъ, в' числ'хъ в' падежехъ, во времен'хъ, влшгбхъ, в' наклоненияхъ» [70].

Чудовский — с другой стороны. Среди старообрядческих деятелей одна часть тяготеет к конвенциональному взгляду на сакральный текст (Федор Иванов, Авраамий), другая часть отстаивает неконвенциональный подход (Аввакум, Спиридон Потемкин).

Как и в предшествующий период, мотивировка вносимых в тексты исправлений строится с п р а в щ и к а м и как апология грамматического учения. Осведомленность в грамматических науках признается необходимым условием книжной деятельности. «Неученым же людемь,— пишет в „Увете духовном“ Афанасий Холмогорский,— грамматическому художеству, философии же и бгословию, не токмо возможно добрт. преводити иной языкъ, но глати, и преписывати книгъ, ни мало учая не возможно есть, в' прежняя времена р'дко такая люди въ российской державе обр'бталися, который точию по книз3. глаголати мало можеть, а не лисати книги, ради неучения грамматическихъ наукъ. И тако книги стьяя, самыя нуждн-Бйшя тогда писаша како кто могъ, не зная правописания силы» [74, л. 260 об—261]. Сходные мысли высказывает Евфимий Чудовский в трактате «О исправлении в предепечатанных книгах Минеах»: «Книгописатели же рустии или и преводници неции быше не велми известии грамматице славенстей⁹ (не бе бо древле изьяснена на славенском языке яко ныне), и о степенях или небрегоша, или недоразумеша, писаша ово правило, аще и не везде, ово же и неправильно» [75, с. 93]. В соответствии с этим аргументация исправлений строится на грамматическом разборе славянского текста в соотнесении с греческим оригиналом (см., например [76]). В полемических сочинениях справщиков нередки и прямые ссылки на правила грамматики М. Смотрицкого [77]. С этих позиций справщики обвиняют старообрядцев в невежестве. Одним из примеров может служить высказывание патриарха Иоакима во время прения со старообрядцами в Грановитой палате в 1682 г.: «А вера у нас православная старого православия, греческого закона, в ней же святии Отцы Богу угодили; исправлена с греческих и с наших харатейных книг грамматике, и мы от себе ничего не внесохом в Церковь Божию но все от тых писаний. Вы же грамматического разума не коснулися и не знаете, какову силу в себе содержит» [78]. Итак, ориентация на новые греческие тексты, на юго-западнорусские издания и на правила грамматики М. Смотрицкого определяет общность справщиков в понимании книжной правильности. Вместе с тем во взглядах на перевод и на норму церковнославянского языка обнаруживаются расхождения между Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым, с одной стороны, и Е. Славинецким и Евфимием — с другой.

Симеон Полоцкий в своем понимании правильности исходит из конвенционального взгляда на текст. Смысл филологической экзегезы, по его мнению, заключается в поисках правильной интерпретации текста. В «Жезле правления» Полоцкий сформулировал свое понимание правильного перевода: «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум и речение преводит неложно, ничесоже оставляя» [79]. Поскольку число возможных интерпретаций бесконечно, предшествующие переводы канонических книг, в том числе кирилло-мефодиевские, приобретают относительную ценность. Афанасий Холмогорский, подчеркивая пи-

⁹ Следуя средневековой традиции словоупотребления, справщики могут использовать слово *грамматика* в двух значениях: чаще — в значении «грамматическое искусство» как реализация определенных правил в текстах; реже (как в данной цитате) — в метонимическом значении «свод правил» (Евфимий имеет в виду грамматику М. Смотрицкого).

тетное отношение к текстам первоначальных переводов, указывает, как и Симеон, на необходимость новых, более исправных переводов: «И гб стьяя книги, яко первое Д'БЮ велико похвалное, аще и описанное, и прописанное что, никтоже укоряеть. яко сему быти погр'шению в' нихъ недивно есть, но въ велшгбй чести суть всюду содержатся тб книги старья, ради преводовъ и в'БДвниа как древле б-вша. И учашися инаго языка, яко свойственного намъ греческаго, могутъ с' того языка, и с' ихъ книгъ яко на известный образъ смотря знати: и превода не гр'штити, но исправите лучше. Ибо егда болши людей разумныхъ, болши единого смыслятъ» [74, л. 262—262об]. Итак, чем больше переводов одного и того же текста, тем полнее открывается его смысл (ср. [73, с. 28; 18, с. 285—288]).

Верность перевода понимается Полошким и его последователями как адекватная передача смысла оригинала понятными для читателя средствами славянского языка. Выбор языковых средств при переводе и при создании оригинального текста в принципе одинаков. Переводчик, по мнению Симеона, должен следовать прежде всего грамматике М. Смотрицкого. Как свидетельствует языковая практика Симеона, он считал, что точность и понятность при переводе достигаются при ориентации на нейтрально-книжные варианты церковнославянской грамматики (не грецизированные), осознаваемые как исконные и составляющие основу активного употребления в книжных текстах.

Конвенциональный подход к тексту и переводу нашел воплощение, в частности, в исправленном в 1678—1679 гг. Апостоле (ковычный экземпляр: ЦГАДА, БМСТ, № 14; экземпляры издания 1679 г. не сохранились); под руководством Сильвестра Медведева справщики Иосиф Белый, Никифор и Евфимий сверили апостольский текст со славянскими рукописями, с юго-западнорусскими и московскими изданиями и с греческим текстом 80].

Епифаний Славинецкий и его последователи в своих взглядах на перевод исходят из неконвенционального отношения к тексту. Точная передача смысла оригинала, по их мнению, обеспечивается поэлементным переводом, максимально сохраняющим структуру греческого текста. Говоря о выполненном Епифанием переводе ирмоса на Рождество, Евфимий Чудовский указывает: «Подобает истинно преводити ижны церковныя от слова до слова, ничто разума и речений многотрудно умышленных святыми отци прения... подражая в том древних искусных преводников хранящих истинно разум, и речения непренияющих» [81]. Используя одни и те же понятия («разум» и «речение», ср. у Иоанна экзарха «разум» и «глагол»), Симеон и Евфимий по-разному понимают связь между ними. Для Симеона процесс перевода состоит в отчуждении смысла («разума») от одной его языковой оболочки («речения») и замене ее на другую. Для Евфимия перевод — это замена определенных элементов греческого текста на их славянские эквиваленты, необходимая для того, чтобы данный текст считался церковнославянским. Не удобопонятность составляет, по Евфимию, цель переводческого мастерства, но сохранение мистической связи смысла и его языкового выражения. В упоминавшемся уже трактате «О исправлении...» Евфимий говорит об этом следующее: «Писания стая, и словеса, и п'сни стыхъ отцевъ тако подобаетъ преписывати, пачеже преводити от языка на языкъ, яко писаша сами стии отци древний еллинскимъ диалектомъ, да бы стии сия словеса предавший, своя искренняя разум'бюше, купно с' нами молилися: или изряднее, да бы дхъ стый тако главый во стыхъ смотря словеса своя, нашему даияню с'посп'бшествовать...Аше же

о словесѣхъ ихъ вознебрежемъ и не соблюдемъ, негодование нанесемъ на себе, и помощи и молитвы ихъ лишимся» [75, с. 61]. Итак, перевод сакрального текста призван установить (сохранить) связь между человеком и Богом; необходимым и достаточным условием этого является «понятность» перевода для Бога (а не для человека), т. е. «узнавание» им текста оригинала в тексте перевода.

С точки зрения книжников этого направления, операции извлечения смысла из текста оригинала и его перекодировки превращают божественную истину в человеческое измышление («мудрование», «человеческие силлогизмы»). С этим связано, в частности, отрицательное отношение Евфимия к стихотворному переложению псалмов. В обличении на «Псалтырь рифмовторную» Симеона Полоцкого (1680) Евфимий предостерегает: «Да никто псалмы мирскими красноглаголения словесы упещряет, ниже покусится речения переменять...но просто, яко написана суть, да чет и поет» [82].

Требование воспроизведения греческого оригинала «от слова до слова» обуславливает широкое применение при переводе греческих языковых моделей ([18, с. 301—316]; ср. [83]) и опирается на представление о фундаментальном тождестве греческого и церковнославянского языков. Если Симеон Полоцкий и его единомышленники признают приоритет грамматических правил, то для книжников круга Е. Славинецкого арбитром языковой правильности при переводе является греческий оригинал. Определяющая роль грамматики М. Смотрицкого при таком подходе к переводу распространяется на область морфологии и орфографии как наименее проницаемые уровни языка, в то время как в синтаксисе грамматика может лишь поддерживать употребление грецизмов (в тех случаях, когда у М. Смотрицкого дается два варианта конструкции — грецизированный и нейтрально книжный). Таким образом, в полемике между двумя направлениями справщиков о языке переводных канонических текстов речь идет о выборе одного из вариантов церковнославянского языка — более книжного грецизированного или менее книжного нейтрального, использование каждого из которых могло поддерживаться (по крайней мере в синтаксисе) грамматикой М. Смотрицкого.

Наиболее ярко филологические взгляды Е. Славинецкого и книжников его круга проявились при исправлении Библии, предпринятом в 1673—1674 гг. и прерванном смертью организаторов этого предприятия — Епифания и местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сарского и Подонского Павла. Под руководством Епифания работали Евфимий, Моисей—иеродиакон Чудова монастыря, Никифор Семенов, а также бывший игумен Путивльской Молчанской обители Сергей, которые начали «переводити всю Библию вново, Ветхий и Новый Завет» [84]. В сохранившемся переводе Нового Завета (ГБЛ, ф. 310, № 1291) Епифаний опирается на европейские издания Септуагинты, на чтения Чудовского Нового Завета и Евангелия 1383 г. [85, 86]. Выбор славянских источников связан с тем, что сотрудники Славинецкого видели в создателях этих рукописей своих предшественников. А идеологическим обоснованием предпринятому исправлению служит вновь воскрешаемая параллель с 70-ю толковниками и Птолемеем Филадельфом [84].

Для старообрядцев характерно разнообразие индивидуальных филологических взглядов, оформляющихся, главным образом, под воздействием конкретных задач ведения полемики со справщиками. Можно выделить, однако, две основных позиции старообрядческих деятелей — «умеренную», тяготеющую к конвенциональному взгляду на текст, и «ра-

дикальную», основанную на неконвенциональном подходе к тексту.

«Умеренные» (Федор Иванов, Александр Вятский, Никита Пустосвят, Авраамий) признают книжную справку как таковую, но отвергают принципы никоновской справки — ориентацию на новопечатные греческие книги и грамматику М. Смотрицкого. В полемике со справщиками старообрядцы этого направления могут использовать филологическую методику своих оппонентов. Так, например, обличение на справку, составленное Александром Вятским для оглашения на Соборе 1666 г., строилось на сопоставлении исправленного Служебника 1655 г. с дониконовскими московскими, а также юго-западнорусскими Служебниками и с венецианскими изданиями греческого текста. Видя причину порчи книг во влиянии новых греческих текстов, Александр считает необходимым «соборне» исправить канонические книги по славянским и греческим рукописям [87, с. 284—286]. Текстологической работой занимается и Федор Иванов, который отказывается признать лишь догматически значимые замены в текстах, в то время как с остальными готов примириться. «За опись бо кую,— пишет он в своей челобитной,— в книге какой ни есть и погрешенное слово не подбавляет нам ни спиратися, ни стояти; а за превращение книг старых и догматов правых изменение подбавляет всякому христианину и страдати и умирати» [88, т. 6, с. 127].

Конфликт справщиков-никониан и «умеренных» старообрядцев в целом основан на противоречиях между юго-западнорусской и московской концепциями книжной правильности. Вопрос о роли грамматики в книжной справе выливается при этом в конфликт той грамматической традиции, характерным представителем которой является азбуковник, с новой грамматической традицией, открываемой грамматикой М. Смотрицкого. С точки зрения старообрядцев, грамматика Смотрицкого «мелка» и «несовершенна» [88, т. 4, с. 42; т. 6, с. 109; т. 7, с. 259—331; т. 8, с. 115 и др.], так как она не учитывает всех контекстов, являясь по преимуществу прескриптивной. Старообрядцев могли бы удовлетворить либо преимущественно дескриптивная грамматика (она появится только во 2-й пол. XVIII в. с консервацией церковнославянского языка), либо прескриптивный минимум, заключающий в себе грамматический инвариант стандартных текстов. Именно грамматику второго типа — «О осми частех слова», известную по азбуковникам, старообрядцы противопоставляют грамматике М. Смотрицкого. Так, на «осмочасное слово» ссылается в своей челобитной Авраамий: «А что отступник Никон со Арсением (Греком.— *Б. М.*) еретиком напечатали и приложили литеру ко...Иисус, то стало два состава. И сие по грамматическому разуму союз; а по осмочасному Иоанна Ексарха слову, то различие именуется, и стало два имени, а не едино» [88, т. 7, с. 271].

Другое направление составляют радикально настроенные старообрядческие деятели (Аввакум, Спиридон Потемкин), не приемлющие книжной справки как таковой. В конце 1650-х гг. старец Спиридон Потемкин в «Словах на еретики» выдвигает концепцию неизбежности сакрального текста и обряда, которые возводятся в догматическое достоинство [87, с. 262, 340]. Согласно этой концепции, какое бы то ни было исправление в делах церкви невозможно, так как она «не может поползнуться ни в малейшем от догмат святых...ни в едином слове, ни во псалмах, ни во ирмосах, ни во обычаех и нравах писанных и держимых,— вся бо церковная свята суть» [89]. Деятели этого направления жестко отвергают не только новопечатные греческие тексты, но и занятия грамматикой и грамматическими науками. Высказывания старообрядцев против «внешней мудрости» сблизжают их с книжниками Епифаниева круга, которые обвиняли в ней «лати-

номудров». Так, в компилятивном «Писанейще», составленном в ответ на вопрос Ф. М. Ртищева «Достоит учиться риторике, диалектике и философии?», Аввакум указывает: «Преподобный же Ефрем Сирин рече: И кроме философии и риторики, и кроме грамматики можно есть верну душу пресприети всех противящихся истинне. И по сему слову веры потреба ко спасению и ко прению противящихся, а не литорики и грамматики, и христианских добродетелей от чиста сердца, а не философскаго кичения» ([90]; ср. трактат Евфимия Чудовского «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и феологии, и стихотворному художеству, и отуду познавати божественная писания или не учая сим хитростей, в простоте Богу угождати, и от чтения разум святых писаний познавати», издание см. в [91]). «Радикализм» Аввакума проявляется также в его отношении к предшествующей традиции книжности и справы. Если Федор Иванов и Александр Вятский оценивают дониконовские издания с тех же критико-филологических позиций, что и исправленные при Никоне книги, то Аввакум а priori утверждает правильность дониконовских книг. «А я держу православиe бывшее и прежде Никона патриарха и книги держу писменные и печатный...с сими книгами живу и умираю»,— утверждает он в письме 1667 г. ([92]; ср. также [88, т. 5, с. 220]).

Таким образом, с активизацией в середине XVII в. контактов между юго-западной русской и московской книжными традициями возникает сложный двухуровневый конфликт вокруг вопроса о книжной правильности. Если в лагере справщиков полемика между «латинумудрами» и «грекофилами», достигшая своего апогея в конце 1670-х—1680-е гг., является продолжением двух направлений образованности в Юго-Западной Руси, то расхождения между «умеренными» и «радикальными» старообрядцами являются продолжением конфликта в московской книжной справе 1-й пол. XVII в. Разрешение этого конфликта в одноуровневый шло несколькими путями. В старообрядческой среде господствующей становится позиция «радикалов». Неустойчивость «умеренных» проявлялась в том, что часть их (как Александр Вятский) отходила в лагерь никониан, в то время как другая объединялась с последователями Аввакума и Спиридона Потемкина. Специфическое развитие взгляды «умеренных», а вместе с тем и традиция московской книжности дониконовского времени находят в деятельности книжников круга братьев Андрея и Семена Денисовых в XVIII в.

Конфликт внутри лагеря исправителей постепенно снимается путем синтеза противоборствующих точек зрения. В конце XVII в. формируется круг книжников (Карюи Истомин, Иов Новгородский, Димитрий Ростовский, Софроний и Иоанникий Лихуды), которые пытаются достигнуть непротиворечивого единства конвенционального и неконвенционального подходов к каноническим текстам¹⁰.

¹⁰ Предпосылкой подобного рода синтеза могла быть практика сотрудничества справщиков и переводчиков двух направлений на Московском печатном дворе. Одним из немногих свидетелей, позволяющих судить как о самом процессе исправления, так и о распределении обязанностей справщиков, является трактат Евфимия «О исправлении...». Здесь, в частности, говорится, что правка велась в два этапа: сначала одна группа книжников сверяла минейные тексты с греческим оригиналом, отмечая исправления «между строк» или на полях прежнего славянского текста; вслед за тем другая группа справщиков отбирала внесенные по греческому тексту исправления, как текстологического, так и языкового характера [75, с. 79—80]. Есть все основания думать, что сверка с греческим текстом входила в обязанности книжников неконвенционального направления, а редактирование их пословных переводов — в обязанности.

7. Книжная справа первой половины XVIII в. В XVIII в. исправление богослужебных книг уже не предпринимается из опасений перед активизацией старообрядческой оппозиции. Однако в продолжение направления никоновской и иоакимовской sprawy в 1713—1751 гг. осуществляется редактирование четьего текста славянской Библии по московскому изданию 1663 г. «во главах и стихах и речах противу греческия библии грамматическим чином» [93, стлб. 28]. Работа библейской комиссии прошла несколько этапов и завершилась изданием Елизаветинской Библии 1751 г. [94—96] и указанные здесь источники]. В ходе исправления выявилось три основных концепции правильности: 1) концепция петровских «библиотрудников» (1713—1720 гг.), 2) концепция Кирилла Флоринского и Фаддея Какоиловича (1741—1742 гг.), 3) концепция редакторов издания 1751 г. Варлаама Лашевского и Гедеона Слонимского^{1х}.

Петровские справщики Софроний Лихуд, Феофилакт Лопатинский, Федор Поликарпов, Николай Головин и другие в своей работе над Библией (правленная рукопись ГИМ, Син. 22) руководствуются теми представлениями о книжной правильности, которые оформляются к началу XVIII в. как преодоление полемики «грекофилов» и «латинумудров», как синтез конвенционального и неконвенционального подходов к тексту.

Текстологическая работа справщиков 1710-х гг. основана на методе конъектурной критики текста и состоит в определении ближайших источников текста славянского перевода Библии и редактировании его по этим источникам [59, с. 176], а именно, не только по греческому тексту Септуагинты (как предполагалось процитированным указом Петра I от 14.XI.1712 г.), но и по латинской Вулгате и еврейскому тексту (по полиглоттам 1514—1517 и 1657 гг.).

В нормировании книжного языка при редактировании Библии петровские справщики стремятся уравновесить грецизированный и нейтральный его варианты, достигнуть точности в переводе каждого элемента греческого оригинала на церковнославянский язык и в то же время понятности этого перевода. «Чистота» книжного языка достигается, по мнению сотрудников С. Лихуда, путем сужения сферы употребления «неприродных» — инославянских и греческих по происхождению элементов, воспринимаемых как заимствованные. Языковой пуризм книжников этого круга нашел отражение ранее в предисловии к «Лексикону Трязычному» (1704 г.), где Ф. Поликарпов отмечает: «От разных странь приходящий своестранная речения въ разговоры и въ книги привнесоша, на прикладъ, сербская, польская, малоросская. И тако рѣснота и чистота славенская засыпаса чужестранныхъ языковъ въ пепель» [89]. Пословные переводы Е. Славинецкого и Евфимия, использовавших грецизированный вариант церковнославянского языка, оцениваются теперь как неудобоупонятные. Так, в своем доношении в Синод от 9.1.1723 г. Ф. Поликарпов писал: «Книга Григория Богослова Назианзена с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славянщиною, паче же реши еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают» ([99]; ср. [97, с. 74]; ср. отношение Нила Курлятева к языку переводов, выполненных Киприаном). Разграничивая мар-

книжников конвенционального направления. Так, например, выполненный Евфимием Чуловским перевод сочинений Дионисия Ареопагита был отредактирован Афанасием Холмогорским.

^{1х} Позиция Феофана Прокоповича в вопросах sprawy, высказанная им в «Мнении» 10.VIII. 1736 г., не нашла практического воплощения и потому не рассматривается в настоящей работе (текст «Мнения» см. в [93, прилож. VIII]; о нем см. [97, с. 122—124].

кированно книжные «еллинизмы» и нейтрально книжные (воспринимаемые как исконные) элементы церковнославянского языка, петровские справщики опираются на грамматику М. Смотрицкого, где проводится подобное разграничение. «Библиотрудники» 1710-х гг. ориентируются в основном на нейтрально книжные варианты, в то время как специфически книжные грецизмы (одиначный Р. п. применный, одиначное отрицание, инфинитивные обороты с *еже* и др.) используются ими в ограниченном объеме. Они употребляются либо для достижения однозначности контекста, либо в стилистической функции «питтизмов», как показатели книжности текста.

Справщики 1741—1742 гг. К. Флоринский и Ф. Какоилович, для которых исходным служил текст петровских справщиков, понимают книжную правильность как буквальное соответствие славянского перевода греческому оригиналу. Правка этого периода (ЦГАДА, ф. 381, оп. 1 № 1059) состоит в замене нейтрально книжных вариантов на грецизированные, что проявляется на всех уровнях языка, кроме флексии, где справщики следуют однозначным правилам грамматики М. Смотрицкого. Их работа, однако, в течение 1740-х гг. подвергается пересмотру и практически не находит отражения в Елизаветинской Библии.

Принципы издания 1751 г. основаны на тех представлениях о книжной правильности, которые были выработаны «библиотрудниками» 1710-х гг. В основу издания был положен текст петровских справщиков. При сверх его с греческими оригиналами был внесен ряд дополнительных исправлений (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 4, № 38-в, т. 3), с тем чтобы каждое чтение славянского текста находило соответствие хотя бы в одном греческом тексте. Правильность славянского текста и языка понимается издателями как точность в переводе с греческого и соблюдение правил славянской грамматики. В предисловии к Библии 1751 г. В. Лашевский говорит об этом следующее: «Ничесоже от речений первая печати (Библии 1663 г.— Б. М.) не премънено, точию то, еже не бѣ согласно въ значении греческому речению сводя въ двоесловогласныхъ вышний и нижний текст и разсуждая, кое значение составу приличн-бйшее: И то, еже не правилами грамматическимъ, и не по свойству языка славенскаго положено бѣ» [100]. Лингвистическое содержание этой декларации явствует из характера правки, которую В. Лашевский и Г. Слонимский вносят в текст петровского времени. Она заключается в устранении тех употреблений (в частности, ряда грецизмов), которые, по мнению редакторов, не несут смыслообразительной нагрузки. Стилистически значимые грецизмы воспринимаются как проявления некомпетентности переводчиков, так как с точки зрения издателей 1751 г. грамматика церковнославянского языка усовершенствована настолько, что его средств вполне достаточно для передачи многообразных оттенков смысла. Стремление редакторов к соблюдению «чистоты» книжного языка объективно приближает его к русскому языку и делает более понятным, что, однако, не является результатом сознательной «русификации» (как полагали И. А. Чистович, Н. И. Ильминский, И. Е. Евсеев и др.), но достигается путем сокращения сферы употребления специфически книжных элементов [101]. Итак, с одной стороны, справщики стремятся установить пословное соответствие между оригиналом и переводом, с другой стороны — подчинить употребление грамматическим правилам и достигнуть понятности текста. Таким образом, в ходе книжной справки 1-й пол. XVIII в. складывается такое понимание книжной правильности, которое сочетает в себе элементы неконвенционального и конвенционального подходов к тексту. Тот факт, что текст Апостола, исправ-

ленный в 1678—1679 гг. усилиями справщиков двух направлений, практически без изменений включен в издание Библии 1751 г., свидетельствует о том, что принципы его исправления предвосхищали работу справщиков XVIII в.

Издание Елизаветинской Библии завершает активные нормализационные процессы в славянской книжности. Представления о книжной правильности, выработанные в ходе его подготовки, получают обобщение в церковнославянских грамматиках XVIII в. (таких, как рукописные «Технологии» 1720-х гг. Ф. Поликарпова и его Грамматика 1721 г., «Грамматика славенская» Ф. Максимова 1723 г., рукописная «Грамматика нова» Блонницкого 1754—1761 гг.), в которых эти представления служат основой описания.

В дальнейшем книжная справа принимает принципиально иное направление. Это связано с утверждением русского литературного языка нового типа и ограничением сферы использования церковнославянского языка рамками церковной культуры. Вместе с тем книжная справа утрачивает в значительной степени свою нормализаторскую функцию, ставя во главу угла проблему понятности церковнославянских текстов носителям русского языка. Попытки исправления библейских и богослужебных книг, предпринимавшиеся в XIX— начале XX в., имеют целью адаптировать церковнославянский язык к нормам современного русского литературного языка и осуществляются параллельно с переводами канонических текстов на русский язык [102].

8. Итоги. В истории книжной справки в России в эпоху функционирования церковнославянского языка как литературного (XI — середина XVIII в.) противопоставленными оказываются конвенциональный и неконвенциональный подходы к тексту. Первый из них сопряжен с идеей понятности книжного языка и использованием определенных грамматических правил; второй подход может проявляться двояким образом: как реставрация кирилло-мефодиевского текста путем пословного перевода с греческого и как консервация местной рукописной традиции. Коллизия этих подходов не исчерпывает проблематики книжной справки, однако дает тот угол зрения, который позволяет выявить представления русских книжников о правильности текста и языка. Каждый из компонентов этого понятия — отношение к грамматике, к рукописной традиции, к греческому оригиналу — может наполняться различным содержанием. На каждом новом этапе справки осуществляется диалектическое усвоение элементов конвенционального и неконвенционального подходов, однако само их противостояние при этом сохраняется. Столкновение различных взглядов на книжную правильность происходит, как правило, в периоды исторических и духовных перемен, что позволяет увидеть проблемы книжной нормы в более широкой историко-культурной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1963. С. 259-261.
2. Сперанский М. Н. Разбор сочинений Г. А. Воскресенского // Зап. АН по ист.-филол. отд. 1899. Т. 3. № 5.
3. Калайдович Н. Ф. Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824.
4. Воскресенский Г. А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV века. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII—XV вв. М., 1879. С. 6, 343.

5. *Амфилохий (Сергиевский)*. О древнем переводе Апостола. Об исправлении его. М., 1888. С. 12.
6. *Иннокентий (Павлов)*. Пролог Евангелия от Иоанна (I. 1—18) в славянском переводе. К истории философской мысли в славянских землях в IX—XVI веках // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1987. № 4. С. 6.
7. *Хабургаев Г. А.* Старославянский как язык средневековой славянской культуры // *Актуальные проблемы славянского языкознания* / Под ред. Горшковой К. В., Хабургаева Г. А. М., 1988.
8. *Живов В. М.* Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // *Актуальные проблемы славянского языкознания*. М., 1988.
9. *Grivec F.* O svobodnih prevodih v staroslovenskih evangeliijih // *Slavia*. 1956. T. XXV. № 2.
10. *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей IX—XV вв. // *ТОДРЛ*. Т. XIX. М.; Л., 1963.
11. *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характере болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1977. № 1.
12. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.
13. *Vaillant A.* La preface de l'evangeliaire vieux-slave // *RES*. 1948. V. XXIV.
14. *Алексеев А. А.* Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (переводы св. Писания в славянской письменности) // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.)*: Докл. советской делегации. М., 1988.
15. *Hansack E.* Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1981. Bd XXVI. № 1.
16. *Keipert H.* Die altbulgarische Übersetzung der Predigten des Gregor von Nazianz // *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistencongress in Sofia*. 1988. Köln; Wien, 1988. S. 66—70.
17. *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства) // *Изв. II Отд. АН*. 1921. Т. XXVI. С. 203—204.
18. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Мюнхен, 1987.
19. *Успенский Б. А.* Русское книжное произношение XI—XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // *Актуальные проблемы славянского языкознания* / Под ред. Горшковой К. В., Хабургаева Г. А. М., 1988.
20. *Алексеев А. А.* К истории русской переводческой школы XII в. // *ТОДРЛ*. Т. Xb. Л., 1988.
21. *Алексеев А. А.* Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // *Сов. славяноведение*. 1985. № 1.
22. *Остромирово евангелие 1056—57 года...* изданное А. Востоковым. СПб., 1843. Л. 294 об.
23. *Изборник 1076 года* / Изд. подг. Гольшенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефелов Г. Ф. М., 1965. С. 701.
24. *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 39—42, 144—148.
25. *Taley J.* Some problems of the Second South Slavic influence in Russia. München, 1973.
26. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / Изд. подг. Алексеев А. А. Л., 1980.
27. *Дуйчев И.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // *ТОДРЛ*. Т. XIX. М.; Л., 1963.
28. *Вздорное Г. И.* Роль славянских монастырских! мастерских письма Константинополь и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ*. Т. XXIII. Л., 1968.
29. *Freydank D.* Zur Sprache Grigorij Camblags // *ZL*. 1988. Bd XXXIII. № 3.
30. *Goldblatt H.* The Church Slavonic language question in the fourteenth and fifteenth centuries: Constantine Kostenecki's skazanie iz javljenno o pismenex // *Aspects of the Slavic language question*. V. 2. New Haven, 1984.
31. *Horalek K.* Evangeliafe a ctveroevangelia: Pflispevyk k textove kritice a k dejinam staroslovenskeho pfekladu Evangelia. Praha, 1954. S. 37.
32. *Trost K.* Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des spateren Kirchen-slavischen: Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. München, 1978.
33. *Чешко Е. В.* Особенности падежного синтаксиса в среднеболгарских псалтырях правленой редакции // *Първа комплексна международна конференция по бълга-*

- ристика, посветена на 1300-годишнината от създаването на Българската държава (Шумен, 25.IV—1.V.1979 г.)
34. Чешко Е. В. Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 82—85.
  35. Freydank D. Zur Charakteristik der Sprache Grigorij Camblaks // Bulgarische Sammlung. Bd 6. Neuriet, 1986.
  36. Амфилохий, архим. Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всяя России,, а потом Московский и всяя России, из своего наречия и из переводов своего времени в наши богослужебные книги? // Тр. III Археологического съезда. Т. 2. Киев, 1878.
  37. Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновска книжовна школа. Т. 2. София, 1980.
  38. Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV—XV вв.) // Palaeobulgarica. Старобългаристика. 1981. № 4.
  39. Вздорное Г. Исследование о Киевской Псалтыри. М., 1978.
  40. Жукоская Л. Л. Типология рукописей древнеславянского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их//Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 238.
  41. Меквоская Л. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. С. 35—38.
  42. Куев КуйМ., Летков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986.
  43. Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник // Russian linguistics. 1986. V. X. № 1. Рец. на кн.: Worth D. S. The origins of Russian grammar: Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus, 1983, 176 p.
  44. Максим Грек. Сочинения. Т. III. Казань, 1862. С. 62.
  45. Ковтун Л. С., Ситицына Л. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
  46. Keipert L. Nil Kurljatev und die Russische Sprachgeschichte // Litterae Slavicae Medii Aevi Francisco Venceslao Mares Sexagenario Oblatae. Munchen, 1985. S. 154.
  47. Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975.
  48. Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подг. Покровский Н. Н. Под ред. Шмидта С. О. М., 1971.
  49. Живов В. М. Успенский Б. А. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI—XVIII вв. // Russian Linguistics. V. X. № 3.
  50. Класс Б. М. Книги, отредактированные и писанные Иваном Черным//Зап. отд. рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина. 1971. Т. XXXII.
  51. Евсеев Л. Е. Геннадиевская библия 1499 года. М., 1914.
  52. Алексеев А. А. Текстологическое значение Геннадиевской библии 1499 года// Международная конференция «Богословие и духовность Русской Православной Церкви», посвященная 1000-летию Крещения Руси (Москва, 11—19 мая 1987 г.). М., 1988.
  53. Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 года//Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978.
  54. Юнгеров Л. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1910.
  55. Olmsted L. M. A learned Greek monk in Muscovite exile: Maksim Grek and the old testament prophets // Modern Greek Studies. 1987. V. 3.
  56. Taube M., Olmsted L. M. «Povest» o Esfiri: The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian studies. 1987. V. XI. № 1/2.
  57. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3: Пространни жития на Кирил и Методий. София, 1973. С. 44—45.
  58. Библия сиречь книги ветхаго и новаго завета по языку словенску. (Острог), 1581.
  59. Горский А. В., Левоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. I. Ч. 1. М., 1855.
  60. Евсеев Л. Е. Очерки по истории славянского перевода библии. Пг., 1916. С. 84—147.
  61. Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Frankfurt am Main, 1972.
  62. Исаевич Я. Д. Острожская Библия как памятник межславянских культурных связей//Федоровские чтения. 1981. М., 1983.

63. *Копреева Т. Н.* Иван Федоров, Острожская Библия и новгородский кружок книжников конца XV века // Федоровские чтения. 1981. М., 1983. С. 99.
64. *Жукowska Л. П.* Некоторые замечания об орфографии Острожской Библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1983.
65. Стоглав. СПб., 1863. С. 95.
66. *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицко-Сергиева монастыря. Тверь, 1890.
67. *Успенский Б. А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI—XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.
68. *Тимофеев Ф.* Материалы для истории книжности на Украине XVI—XVIII вв. Везбірка передмов до украшських стародруж. Кивг, 1924. С. 210.
69. Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справником Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием катихизиса // Летописи русской литературы и древности/ Сост. Тихонравов Н. И. Т. 2. Кн. 4. М., 1859. С. 87—88.
70. Пролог. М., 1643. Л. 951об.
71. *Макарий, архива.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 146—147.
72. *Сиромаха В. Г., Успенский Б. А.* Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археологический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 79—84.
73. *Uspenskii B. A., Zivov V. M.* Zur Spezifik des Barock in Russland // Slavische Barockliteratur. 1983. № 2.
74. *Афанасий Холмогорский.* Увет духовный. М., 1682.
75. *Никольский Н.* Материалы для истории исправления богослужебных книг (Об исправлении Устава церковного в 1682 году и месячных Миней в 1689—1691 гг.). СПб., 1896.
76. *Гаена А.* История славянского перевода символов веры. СПб., 1884. С. 126—128.
77. *Сиромаха В. Г.* Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII века и «Грамматика» М. Смотрицкого // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 1.
78. Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Росанова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862. С. 35.
79. *Полоцкий С.* Жезл правления. М., 1666. Л. 56.
80. *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев, его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 178.
81. *Брайловский С.* Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1890. № 3. С. 434.
82. *Брайловский С.* Отношения Чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву (Страничка из истории просвещения в XVII столетии) // РФВ. 1889. Т. 22. № III. С. 269.
83. *Страхова О. Б.* Из истории церковнославянской окказиональной лексики конца XVII в. // Этимология. 1985. М., 1988.
84. *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. I. СПб., 1827. С. 180.
85. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 291.
86. *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Кн. I. СПб., 1884. С. 236.
87. *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Мюнхен, 1970.
88. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита // Под ред. Субботина Н. И. Т. I—IX. М., 1875—1890.
89. *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. Очерк из истории духовной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898. С. 107.
90. *Демкова П. С.* Из истории ранней старообрядческой литературы (I: «Писанейце» Аввакума Ф. М. Ртищеву. II: Отрывок из неизвестного сочинения Аввакума об антихристе. III: О старце Епифании Пелшемском, последователе Аввакума, тезке соловецкого инока Епифания) // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII. С. 388.
91. *Смениковский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. VI—XXVI.
92. *Демкова Н. С.* Житие протопопа Аввакума. Творческая история произведения. Л., 1974. С. 127.
93. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. III. СПб., 1878.
94. *Чистоевич И. А.* Исправление славянского перевода Библии перед изданием 1751 года // Православное обозрение. 1860. Т. I—II.

95. *Сменцовский М.* Пересмотр исправлений славянского перевода Библии перед изданием ея в 1751 году // Прибавления к церковным ведомостям. 1900. № 29—30.
96. *Mathiesen R. C.* The inflectional morphology of the Synodal Church Slavonic verb. Columbia University, 1972. P. 161.
97. *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.
98. *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704. Л. 6.
99. *Брайловский С. Н.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. № 9. С. 31.
100. Библия сиречь книги священнаго писания... СПб., 1751. Л. 13.
101. *Бобрик М. А.* Книжная справа первой половины XVIII века и проблемы нормализации русского литературного языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1988.
102. *Сове В. И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX—XX веках // Богословские труды. 1970. Т. V.